

7. Конституція України: закон України від 28.06.1996 №254к/96-ВР (із змінами і доповненнями) // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>.

8. Вирок Устинівського районного суду Кіровоградської області від 8 листопада 2012 року (Справа №1123/248/12) // Єдиний державний реєстр судових рішень України : офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/27347735>.

ПОЛЯКОВ С. И.,

кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой
международного права, истории права
и политико-правовых учений
(Днепропетровский национальный
университет имени Олеся Гончара)

ХЕЙЛИК В. В.,

старший преподаватель кафедры
административного и уголовного права
(Днепропетровский национальный
университет имени Олеся Гончара)

УДК 341.301:[323.28](477)«19»

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ БОЕВИКА-ТЕРРОРИСТА НАЧАЛА XX в.: РЕАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Освещены основные вопросы современной полемики вокруг личности боевика-террориста начала XX в., показана необъективность версий, которые имеют политико-мифологическую детерминацию. На примере Боевой организации партии эсеров раскрыты элементы революционной субкультуры, нравственные и криминологические аспекты террористической деятельности.

Ключевые слова: субкультура революционера, мифология «подпольного человека», революционный терроризм, Боевая организация партии эсеров, государственный террор, мораль и политика.

Висвітлено основні питання сучасної полеміки навколо особистості бойовика-терориста початку XX ст., доведено необ'єктивність версій, що мають політико-міфологічну детермінацію. На прикладі Бойової організації партії есерів розкрито елементи революційної субкультури, моральні та криминологічні аспекти терористичної діяльності.

Ключові слова: субкультура революціонера, міфологія «підпільної людини», революційний тероризм, Бойова організація партії есерів, державний терор, мораль і політика.

The authors cast the light on the issues of contemporary polemics around personality of a warrior-terrorist of the beginning of XX century; show the lack of objectivity of the versions that have a political-mythological determination. Through the example of the Fight organisation of the Social-Revolutionary party, some elements of the revolutionary subculture, ethical and criminological aspects of the terroristic activity are revealed.

Key words: *subculture of a revolutionist, mythology of a “backstreet man”, revolutionary terrorism, the Fight organisation of the Social-Revolutionary party, state terror, moral and politics.*

Введение. В начале XX в. революционный терроризм превратился в России, государствах Западной и Центральной Европы в системную тактику радикальной политической партии, борющейся против существующего строя. Образ российского «бомбиста», в зависимости от политической конъюнктуры, был представлен либо народным героем, либо отъявленным негодяем. Ю.В. Варфоломеев, например, провозгласил создание «Когорты замечательных нелюдей» – серии, которая, надо понимать, скоро придет на смену известной «ЖЗЛ» [1, с. 25]. Видный криминолог Ю.М. Антонян наделил личность террориста следующими характеристиками: паранойальность, предполагающая наличие таких черт, как подозрительность, злопамятность, застреванность на отрицательных переживаниях; склонность к поиску вне источников личных проблем и в то же время сосредоточение на защите «Я», сверхпоглощенность собой при отсутствии критики; нарциссизм, любованье собой, высокая значимость своей принадлежности группе, организации, партии, нации; жажда самоутверждения, признания в среде; постоянная оборонительная готовность; низкий порог терпимости, импульсивность, раздражительность, нетерпимость; высокая тревожность и влечение к смерти (что особенно заметно у террористов-самоубийц); мессианство, т.е. восприятие себя в качестве человека, наделенного высокой миссией на земле; отчужденность от позитивных общественных ценностей [2, с. 346]. Характеристика боевика-террориста, предложенная Ю.М. Антоняном, не подтверждается конкретным историческим материалом. Наиболее весомые достижения в изучении революционного терроризма (преимущественно партии эсеров и эсеров-максималистов) за последние 20-25 лет связаны с именами О.В. Будницкого, В.Н. Волковинского, Р.А. Городницкого, Л.Г. Косулиной, В.Д. Лебедева, М.И. Леонова, К.Н. Морозова, Д.Б. Павлова. Историография и методология освещена в трудах А.А. Бакаева, А.А. Кононенко, О.А. Суховой. В исследованиях революционного терроризма проявились две историографические традиции: социально-политическая и психосемантическая. Первая, представленная в отечественной литературе, нацеливала на изучение таких факторов, как отношение радикальной интеллигенции к власти и ее разочарование в готовности широких народных масс к восстанию, пассивность преобладающей части общества, слабое влияние общества на власть, классовая месть и т.п. Государственный террор и оппозиционный терроризм – это аверс и реверс одной медали, поскольку насилие было взаимным, исходило от обеих сторон. Данная традиция уходила корнями в дореволюционную эпоху, получила обоснование и закрепление в партийных программных и тактических документах, публицистике, трудах идеологов и организаторов терактов. Вторая традиция, возникшая на Западе, отодвигала на задний план социально-политические цели революционеров, обосновывала тезис о том, что в террористы шли люди особого, ненормального психологического склада, которые имели повышенную раздражимость и уродливое самомнение. Теракт для них – самоцель, способ существования и самоутверждения. Основной задачей изучения терроризма стало выявление комплекса психических патологий, а своеобразным клише – суицидальная парадигма и патологическая жестокость. В качестве конкретно-исторического обоснования была представлена реконструкция ценностных ориентаций малой группы боевиков, которые действительно страдали нервными болезнями.

Постановка задачи. Объект исследования – революционный терроризм начала XX в., предмет – личность эсера-боевика. Целью статьи является анализ современных концептов психологической, криминологической типологизации и характеристики участников террористической борьбы.

Результаты исследования. Один из руководителей партии социалистов-революционеров, член Боевой организации В.М. Зензинов дал в мемуарах сжатую по объему, но богатую поводами для размышлений и будущих научных исследований психологическую характеристику личности террориста. Он отметил, что нападение с оружием, бомбой в руках на высших представителей правительства входило в партийную тактику. Все эсеры, без исключения, это проповедовали. Но можно ли что-то проповедовать, не неся личной ответственности, не делая самому того, к чему призываешь других?

Вопрос о терроре вставал перед членом партии как моральная проблема, из власти которой было невозможно вырваться. Отличительной чертой российского политического терроризма, начиная с эпохи «Народная Воля», была, по убеждению В.М. Зензинова, высокая политическая и личная мораль самих террористов, которые шли на убийство человека лишь после тяжелой и длительной внутренней душевной борьбы, лишь после того, как сами приходили к убеждению, что все мирные средства исчерпаны. В их глазах политическое убийство – последний и высший акт человеческой активности во имя общего блага, акт справедливости. Он был оправдан, до некоторой степени морален только потому, что террорист отдавал при этом свою жизнь. Но преступлением в его же собственной оценке оно всегда оставалось.

По определению судьба боевика – драма, даже трагедия. Что значит предложить себя в члены Боевой организации? Это означало полный отказ от самого себя, семьи, друзей, личной жизни, всех своих прежних привычек. Каждый шаг должен быть обдуман, слово – взвешено. От малейшей ошибки зависела не только его, но и жизнь товарищей, успех порученного дела. Также надо отказаться от общения с товарищами по партии, поскольку Боевая организация – законспирированное учреждение, организационно отдаленное от партийных центров и периферии. Боевик-террорист обречен потому, что он практически всегда погибал в одиночестве, перед смертью проводил (если, конечно, его самого не разрывало бомбой) недели и месяцы в заключении наедине с собой в ожидании неизбежной смерти. Такое положение требовало самообладания, гораздо большего мужества, поскольку умереть в одиночку – гораздо труднее. В Боевую организацию, как правило, никогда никого не приглашали, не назначали. В нее всегда вступали добровольно. Принятия надо было еще добиться, для члена партии – это величайшая честь. Ему вверялось доброе имя партии, высокое доверие надо было заслужить. На момент издания мемуаров В.М. Зензинов вспомнил только один случай, когда кандидат мотивировал желание войти в организацию своими любовными неурядицами и стремлением на этой «романтической» почве свести счеты с жизнью. Ему ответили резким отказом. Когда тот или иной член партии заявлял ЦК о своем желании вступить в Боевую организацию, его кандидатура тщательно оценивалась, обсуждалась самым внимательным образом. Окончательный ответ иногда приходил только через несколько месяцев. Мемуарист отметил, что ему известны десятки случаев, когда заявители получали отказ. В то же время революционные жертвенные порывы были настолько сильны, что Боевая организация не испытывала недостатка в кандидатах. Она всегда имела в своем распоряжении столько членов, сколько ей было необходимо в данный момент. Правда, в живых остались считанные единицы [3, с. 154–158].

Готов ли психически здоровый человек к такому образу жизни? Ответ на этот вопрос некоторые ученые назвали «изнанкой революции». А.А. Гейфман, мысли которой иногда воспринимают без должной критики и коррекции, писала, что многие боевики пришли к решению об участии в терроре вследствие своей психической неустойчивости. Неспособность преодолеть внутреннюю дисгармонию что во многих случаях имела следствием настоящее сумасшествие, часто заставляло отчаявшихся, эмоционально ущербных людей искать способы радикального решения своих проблем. Они оправдывали такие решения изящно

сформулированными идеологическими разглагольствованиями о непоколебимой верности революции, партии или своим товарищам. Некоторые лидеры экстремистов, знавшие о связи психических заболеваний с насилием, привлекали к террористической деятельности эмоционально неполноценных лиц, которых медицинские эксперты того времени признавали «безусловными дегенератами». Партии часто старались снабдить таких новых боевиков подходящей идеологией, хотя и ограничивались азами революционной догмы [4, с. 232–233]. Эти размышления А.А. Гейфман не всегда согласуются со сведениями непосредственных участников и очевидцев. Ссылаясь, например, на мемуары А.И. Спиридовича, она осветила задержание известной террористки Ф.М. Фрумкиной, которая показана читателю не иначе как умалишенной [4, с. 236, 417]. Но в совершенно иной ипостаси революционерка предстает перед читателем со страниц мемуаров: это непримиримая и яростная противница правительственной власти, но вполне здоровая. Мемуарист не зафиксировал в своей памяти каких-либо психических отклонений у арестованной [5, с. 133–135]. В учебнике, специально подготовленном для офицеров охранных отделений, А.И. Спиридович назвал Ф.М. Фрумкину «убежденной террористкой» [6, с. 129].

При таком чрезвычайно тщательном, точном до мелочей комплектовании Боевой организации, о котором писал В.М. Зензинов, кажется маловероятным, чтобы в нее с запрограммированным заранее умыслом включали людей, имеющих нарушения психики. Ведь в наиболее ответственный для проводимой акции момент у кого-то из подрывников мог проявиться, к примеру, эпилептический удар, иной приступ. Можно ли вообще доверять человеку, страдающему хроническими нервными болезнями, оружие, тем более взрывчатое вещество, которые способны сдетонировать при малейшем неосторожном движении? Но факты проявления симптомов разных нервных болезней все-таки имели место. Необходимо объяснить и понять их с учетом феномена революционной субкультуры, специфики профессии террориста-нелегала, выкристаллизовавшейся в условиях подполья и эмиграции [7, с. 26].

В течение последних лет опубликован ряд исследований в области так называемой «бытовой истории». О.А. Островская воссоздала досуговые практики эсеров-террористов, показав, что их досуг был подчинен основной работе и жестким ограничениям, которые были обусловлены требованиями конспирации, сложившимся в той или иной боевой группе режимом труда и отдыха [8]. А.А. Киселев на фактах из практики подготовки терактов показал повседневную жизнь, основу которой составляли все неизбежные «спутники» профессии боевика [9]. Поэтому молодой юноша или девушка, добровольно ставшие на стезю такой борьбы, вынужденно находились в состоянии постоянной боеготовности, тем отличаясь от своих сверстников, которые вели светский образ жизни. Такое состояние накладывало отпечаток на менталитет, физическое и психическое здоровье. Интересную аналогию предложил академик А.А. Гусейнов. Он использовал криминологический портрет современного террориста, который был смоделирован на основе изучения более 500 биографий людей, включенных в террористические сети: «Оказалось, что он очень похож на наших отечественных террористов конца XIX века: образованный, космополитично настроенный, романтический борец за справедливость и правду; притом психически вполне здоровый» [10, с. 6]. Эту же точку зрения поддержали и другие ученые [11, с. 156–157].

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о социальном составе террористов. Ю.В. Варфоломеев отметил изменения в социальном портрете революционера начала XX в. по сравнению с предшествующими десятилетиями. Если террористы второй половины XIX в. Принадлежали к состоятельным слоям населения, то большинство их последователей были выходцами из обедневшей крестьянской среды, которые переселились в город. Они, испытывая материальные трудности, медленно и болезненно приспосабливались к городскому социуму. По этой причине новоиспеченные «пролетарии» легко поддавались революционной агитации экстремистского характера [1, с. 19–20]. Вывод ясен: из среды новоиспеченных «пролетариев» рекрутировались кадры террористов. Но неясен другой вопрос: о какой разновидности терроризма идет речь? Так, например, был политический центральный и местный террор, военный и тюремный террор, экономический (аграрный, фабричный)

террор. Наиболее полно статистику политического террора на примере Боевой организации эсеров 1901–1911 гг. обобщил Р.А. Городницкий. Среди членов организации численно преобладали: по сословному происхождению – выходцы из дворян и мещан; образованию – лица с незаконченным высшим образованием; возрасту – лица от 20 до 40 лет (до 1907 г. доминировал возраст 20–30 лет); национальности – русские и евреи; половой принадлежности – мужчины [12, с. 86, 130–131, 181–182, 233]. Статистические данные отразили, с одной стороны, социальную базу партии, которая делала заявку на роль единственного революционного общенационального лидера в стране, что превращало ее в наиболее опасного политического противника правящей власти, а с другой, – теракт не объявлялся самоцелью, поскольку рассматривался в качестве одного из технических приемов общепартийной деятельности, необходимого для революционизирования фабрично-заводского пролетариата, рабочих иных категорий и крестьянства.

«Цена» теракта – один из любимых сюжетов в политической мифологии. Ю.И. Аликина написала: «При попытках нравственно-этического оправдания убийства идеологами терроризма используется ряд мотивов, призванных возвеличить террориста и затушевать степень его моральной «глухоты», начиная от обвинения жертвы во всех смертных грехах и заканчивая «оплатой» убийства жизнью самого террориста» [13, с. 234]. Фраза об «обвинении жертвы во всех смертных грехах» – явный авторский «перебор», ибо партия в лице съезда или ЦК выносила чиновнику приговор, который содержал более или менее полный перечень обвинений по поводу его участия в организации и проведении актов государственного террора. Это правило было установлено еще во времена «Народной Воли» и неукоснительно соблюдалось эсерами [14]. Г. Фролов, исполнитель приговора в отношении самарского губернатора И.Л. Блока в июле 1906 г., в мемуарах писал: «... Блок был помощником губернатора Богдановича, убитого в Уфе за расстрел златоустовских рабочих... Один из товарищей рассказал мне, что Блок в бытность свою гродненским губернатором устроил в тюрьме избиение политических и что его хотели убить еще в Гродно, но благодаря его переводу в Самару не успели» [15, с. 114]. В день убийства в городе были расклеены прокламации с извещением о том, что губернатор был убит по приговору эсеровской партии. Партийное руководство неоднократно обращало внимание на недопустимость применения терактов в отношении частных лиц, идейных соперников по революционному движению. Именно на такой нравственно-этической основе строилась мотивация революционного борека-террориста в начале XX в. Это уже позже террористы разных стран, помимо убийств отдельных представителей власти, взрывов правительственных и полицейских учреждений, стали практиковать взрывы вокзалов, магазинов, кинотеатров, других мест массового скопления людей, сознательно планируя гибель большого количества ни в чем не повинных жертв, чтобы возбудить гнев населения против власти, не способной его защитить.

Однако и в начале XX в. имели место случаи, когда гибли невинные люди, хотя старались подобных ситуаций избежать. Особой популярностью среди творцов политических мифов пользуется теракт, совершенный эсерами-максималистами 12 августа 1906 г. на даче премьер-министра П.А. Столыпина, при этом акцент сделан на материале о невинных жертвах [4, с. 106–108]. Методы фальсификации: умолчания и недоговоренности, расширительное толкование различных положений, отождествление позиции максимализма как целого с тем или иным высказыванием какого-либо лидера, которое отражало только его мнение и не поддерживалось другими членами партии и т.п. [4, с. 106; 16, с. 111–112; 17, с. 38]. Одна из участниц покушения Н.С. Климова говорила: «Мы решили убить Столыпина во что бы то ни стало...; при этом, конечно, мы не могли не знать о могущих быть случайных жертвах... Хотя решение принести в жертву посторонних лиц далось нам после многих мучительных переживаний, однако, принимая во внимание все последствия преступной деятельности Столыпина, мы сочли это неизбежным» [6, с. 314]. После теракта организация выпустила прокламацию. Взяв на себя ответственность за проведение теракта, она горькую констатировала: «Ко всеобщему глубокому прискорбию, сам Столыпин, против которого направлялся удар, остался жив...» [6, с. 316].

4 февраля 1905 г. И.П. Каляев убил великого князя Сергея Александровича. ЦК партии эсеров опубликовал специальную брошюру, в которой впервые до сведения широкой публики были доведены все детали этого дела, растиражированные впоследствии в многочисленных изданиях. В трудах наших мифотворцев они получили бледное описание, поскольку выходили за рамки нужной им схемы [4, с. 80, 99]. Сообщалось, что еще 2 февраля вечером И.П. Каляев встретил великокняжескую карету на безлюдной Воскресенской площади в Москве, благоприятном для метания бомбы и последующего отхода месте. Но в карете, кроме Сергея Александровича, оказались его супруга и племянники. У «бомбиста» не поднялась рука. 4 февраля он мог бросить бомбу на улице Тверской и благополучно скрыться, но там, как обычно, было многолюдно. Пришлось переместиться на территорию неудобного, открытого со всех сторон московского Кремля, где и стало возможным привести в исполнение приговор. 7 февраля И.П. Каляева, сидевшего в тюрьме, посетила вдова, великая княгиня Елизавета Федоровна. На лице княгини светилась благодарность судьбе, возможно, и человеку, великодушно пощадившему ее жизнь. Партия и лично И.П. Каляев обдуманно стремились избежать лишнего кровопролития [18, с. 4–5, 9]. Упомянувшийся выше Г. Фролов с некоторой гордостью писал, что при убийстве самарского губернатора не было убитых и раненых из числа посторонних лиц [15, с. 116]. Подобных свидетельств – множество.

Выводы. Боевик-террорист начала XX в. – определенный психолого–криминологический тип, носитель субкультуры с характерной для нее системой общих ценностей: четкое осознание того, что убийство при любых условиях оставалось убийством, но одновременно и убеждение в том, что теракт был необходимым ответом на государственный террор; самоидентификация в качестве бойца на гражданской войне; повышенная чувствительность к тяжести народной жизни; жертвенность, полное игнорирование личного интереса; неприемлемость сделки со следствием, раскаяния, прошения о помиловании; непримиримость к предательству. Кроме общих ценностей, существовали индивидуальные ценности, проявлялись также человеческие слабости. Одинаково недостоверными являются как образ, созданный в начале XX в. на основе некоей универсальной модели «подпольного человека», так и образ психически неадекватного, но идейно «продвинутого» уголовника, не ценящего жизнь вообще, грабящего под прикрытием партийного имени, желающего убить как можно больше людей.

Список использованных источников:

1. Варфоломеев Ю.В. «Художник в деле террора»: Григорий Гершуни (опыт исторической характеристики) / Ю.В. Варфоломеев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». – 2015. – Т.15. – Вып. 1. – С. 18–26.
2. Антонян Ю.М. Криминология: избранные лекции / Ю.М. Антонян. – М. : Логос, 2004. – 448 с.
3. Зензинов В. Пережитое / В. Зензинов. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. – 239 с.
4. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917: [монография] / [А. Гейфман]. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. – 448 с.
5. Спиридович А. Записки жандарма: [монография] / [А. Спиридович]. – М. : Худож. лит., 1991. – 268 с.
6. Спиридович, А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916: [монография] / [А.И. Спиридович]. – Изд. 2, доп.– Пг. : Воен. тип., 1918.– IX, 632 с.
7. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства: [монография] / [К.Н. Морозов]. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 736 с.
8. Островская О.А. Досуг в структуре повседневности террористов-эсеров: постановка вопроса / О.А. Островская // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2013. – Вып. 3(23). – С. 70–78.

9. Киселев А.А. «Революционная повседневность» членов партии социалистов-революционеров в начале XX века / А.А. Киселев // Омский научный вестник. – 2014. – № 3(129). – С. 17–21.
10. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2005. – № 6. – С. 3–36.
11. Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX–XX века: историография, методология, факты / О.А. Сухова // Исторический вестник. Терроризм в России в начале XX в. / под общ. ред. С.В. Девятова. – М., 2012. – Т.2 [149]. – С. 136–173.
12. Городницкий, Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг.: [монография] / [Р.А. Городницкий]. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 239 с.
13. Аликина Ю.И. Социалисты-революционеры и террор / Ю.И. Аликина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 2(24). – С. 232–235.
14. Да здравствует «Народная Воля»! Исторический сборник. – Paris. – 1907. – № 1. – 96 с.
15. Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором / Г.Фролов // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник ; под ред. В. Виленского (Сибирякова). – 1924. – № 1(8). – С. 114–120.
16. Нестроев Гр. Из дневника максималиста / Гр. Нестроев. – Париж, 1910. – 224 с.
17. Союз эсеров-максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика / сост. Д.Б. Павлов. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 423 с.
18. Иван Платонович Каляев (отдельный оттиск из «Рев. Росс.»). – Б.м. : Тип. партии социал.-революционеров, 1905. – 48 с.

ФИЛЬ Р. С.,

начальник II науково-дослідного
відділу науково-дослідної лабораторії
криміналістичної та спеціальної техніки
(Державний науково-дослідний
інститут Міністерства внутрішніх
справ України)

УДК 343.533

КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ОХОРОНА ПРАВА ПРОМИСЛОВОЇ ВЛАСНОСТІ ЗА ЗАКОНОДАВСТВОМ УКРАЇНИ

У статті розглядаються чинні нормативно-правові акти, які забезпечують режим кримінально-правової охорони права промислової власності на території України. Вивчається склад злочинів проти права промислової власності за Кримінальним кодексом України, а також вказується специфіка доведення їх предметів. Надаються пропозиції щодо шляхів усунення існуючих прогалин законодавчої бази.

Ключові слова: інтелектуальна власність, промислова власність, Кримінальний кодекс України, злочини проти права на об'єкти промислової власності.

